

САНЯ ВЕРШИЧ
(Загреб, Хорватия)

Заметки о сознании культуры в семиотическом наследии Юрия Лотмана

Аннотация: В статье обращается внимание на феномен сознания, к которому Лотман проявляет особый интерес в своих работах по семиотике культуры, и замечается, что понятие сознания является неотъемлемой частью построенных семиотиком метамоделей культуры. Благодаря идеям Лотмана открываются новые возможности в подходе к вопросам культурного сознания.

Ключевые слова: культура, сознание, ум, метамоделей культуры

Введение

Научное наследие Ю. М. Лотмана состоит из многочисленных трудов по истории русской литературы, литературоведению, работ о структурализме и по семиотике культуры. В создании метаязыка описания (текстов) культуры, тартуский ученый опирается, между прочим, на термины топологии, кибернетики и теории информации, работы Вернадского, Лейбница и Пригожина.

Тексты культуры, модели коммуникации, типология культур, внутренняя культурная динамика и сама культура как специфически организованное целое (структура, или 'система', 'устройство', 'механизм'¹) объединяются в научном творчестве Лотмана в теоретико-семиотических моделях культуры и рассматриваются ученым в свете сознания и самосознания. Учитывая метаязык, следует отметить, что он у Лотмана довольно сложен. Если язык у Лотмана – 'знаковая' и 'семиотическая система', то культура – «знаковая система, определённым образом организованная», «исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков)» (МАТЕРИАЛЫ: URL). Культура, однако, у Лотмана определяется не только как 'система' (коммуникативная; самоорганизующаяся), но и как 'устройство' (мыслящее; вырабатывающее информацию), 'механизм' (коллективной памяти), 'структура' (мыслящая), 'модель мира' и т.п. Поэтому, на наш взгляд, правильнее говорить о нескольких построенных Лотманом теоретико-семиотических моделях культуры, метамоделей культуры. В них,

¹ Эти термины, так же как и 'код', 'модель' (термин Лейбница), 'моделирование', 'изоморфизм' и др. заимствованы Лотманом из кибернетики, теории информации и топологии.

начиная с текстов культуры, прослеживаются воззрения ученого на сознание культуры, на коммуникативные процессы от 'мыслящего устройства' до 'культурной личности', от семиосферы 'живого организма' до семиосферы 'семиотического универсума' (см. VERŠIĆ 2004). В семиотическом наследии Лотмана наше внимание сосредоточивается на понятии сознания, присущем лотмановским метамоделям культуры.

Тексты культуры

Центральным понятием в лотмановском подходе к культуре является текст культуры, и «его можно определить как 'картину мира' данной культуры», которая «соотнесена всему миру и в принципе включает в себя всё» (ЛОТМАН 2000: 465). В текстах содержится историко-культурная информация, которая кодируется и которая связана с «коренными формами общественного самосознания, организации коллектива и самоорганизации личности» (МАТЕРИАЛЫ: URL). Несмотря на текстоцентричность лотмановской семиотики культуры, в исследованиях (художественных) текстов Лотманом учитывается и сознание как 'контекст': так, нередко в анализах и комментариях находим понятия 'романтическое сознание', 'средневековое', 'народное', 'коллективное', 'бытовое', 'эстетическое', 'литературное' и т. д. Для ученого сознание вторично по отношению к художественной модели, которая «воспроизводит образ мира для данного сознания, ...моделирует отношение личности и мира» (ЛОТМАН 1970: 320). В конце 1960-х – начале 1970-х гг. Лотман саму культуру определяет (и) как 'совокупность текстов' (ЛОТМАН 2000: 434). У Лотмана не только культура отождествляется с текстом, но и любое культурное явление, в том числе и поведение человека, можно 'читать' как текст на данном языке.

Художественный текст, согласно Лотману, является не только носителем информации, но и генератором новых смыслов; он имеет творческую функцию. Но есть еще одна, не менее важная функция текста – функция памяти. Текст – 'конденсатор' культурной памяти. Смысловое пространство, которое создается текстом, «вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории» (ЛОТМАН 2000: 162).

Механизмы культуры в последующих работах Лотмана будут уподобляться механизмам текстов, а культура будет пониматься как «ненаследственная память коллектива» (ЛОТМАН 2000: 487). Культуре приписывается и коллективное сознание, и коллективное бессознательное. В разработанных Лотманом метамоделях культуры, так же как и в текстах, обнаруживаются те же характеристики структуры, которая строится на бинарных оппозициях. Говоря о ее границах, ученый, между прочим, выделяет: границы, которые воспринимаются как разделяющие внутреннее пространство культуры (напр. 'правое' и 'левое' полушарное сознание); границы, разделяющие 'внутреннее' пространство от 'внешнего' (напр. 'наше'

от 'чужого', 'земное' от 'потустороннего'), и границы как места перевода одних сообщений в другие, места «пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл» (там же: 26). Таким образом, сама культура, будучи 'мыслящим целым', является «творческим сознанием, способным вырабатывать новые мысли» (ЛОТМАН 1992: 35) и хранить информацию. В связи с этим важной является дихотомия 'внешнего языка' с семантикой значений (в обращении к 'другому') и 'внутренней речи' с семантикой смыслов (в обращении к 'самому себе') (БИБЛЕР 1995: 281–282). Ссылаясь на 'внутреннюю речь' Выготского, «отсутствие вокализации», Лотман считает, что «существование особого канала автокоммуникации» (система Я – Я) должно приниматься во внимание в общей системе культуры, «если в качестве отправителя/получателя сообщения рассматривать национальный организм или же человечество в целом» (ЛОТМАН 2000: 168, 425–426).²

Текст ≈ культура ≈ семиотическая модель мира ≈ коммуникация ≈ сознание культуры

Определяя культуру как «всю совокупность ненаследственной информации», как «общую память человечества» или «более узких коллективов», таких как национальные или классовые, Лотман анализирует «сумму составляющих культуру текстов на двух уровнях: как определенные сообщения и как реализацию кодов, при помощи которых... сообщение дешифруется в тексте» (ЛОТМАН 2000: 400). Это, по его словам, позволяет описать типы культуры как 'особые языки', тексты. Если исходить из современных интегральных теорий сознания, в которых исследуются культурные (коллективные) аспекты сознания (УИЛБЕР 2006: GEBSER 1986), то можно заметить, что некоторый культурный код, на языке которого читаются тексты в семиотическом ключе, соответствует некоторому культурному сознанию, трактуемому в ключе интегрального подхода к сознанию. Сами тексты определенного типа культуры, исследуемые Лотманом с семиотической точки зрения, могут рассматриваться с точки зрения коллективного сознания на определенном этапе культурного развития общества.

Лотман определяет культуру и как «систему коллективной памяти и коллективного сознания», которая одновременно «является некоторой единой для данного коллектива ценностной структурой»: культура нуждается в 'самоописании' (самосознании) или «необходимости на определенном этапе ценностно и структурно упорядочить себя как целое» (ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1977: 3). На примере текстов русской культуры

² В рассмотрение Лотманом коммуникации в системе культуры и границы – «механизма перевода текстов чужой семиотики на язык 'нашей'» входит и сон – подсознательный текст культуры, «идеальный ich-Erzählung» (ЛОТМАН 2000: 262, 126).

ученый выделяет четыре 'модели мира' – четыре 'типа кода культуры'.³ Эти 'знаковые реальности' можно также понимать как типы культурного сознания. На основании данных моделей мира ученый исследует с точки зрения знаковости, каким образом в типах текстов, относящихся к определенному мировоззрению, отражается моделирование действительности⁴ (ЛОТМАН 200: 400–416). 'Моделирование действительности' и 'систему коллективного сознания' в свете интегрального подхода к вопросам сознания можно интерпретировать как измерение коллективного сознания членов данной культуры, которые создают – или 'моделируют' – свою действительность через язык. С точки зрения интегральных теорий сознания тоже замечается, что в текстах данной культурной эпохи – в восприятии и использовании обществом языковой семантики – отображается особым образом сложившаяся и соответствующая культуре коллективная 'структура' сознания или 'уровень' сознания (GEBSER 1986; УИЛБЕР 2006).

В текстах культуры раскрываются различные типы семиотического моделирования мира (мировоззрения, закодированного в языке/тексте), соответствующего определенному культурному сознанию. Есть моменты, согласно Лотману, когда культура находится «на стадии самосознания», и тогда она «выделяет из себя автомоделирующие тексты и вводит в свою память концепцию самой себя» (ЛОТМАН 2000: 419). Самосознание – самоописание – культуры означает, что она «создает для себя самой собственную модель», самоорганизуется (ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1977: 3). Между лотмановскими понятиями текста, культуры, семиотической модели мира, коммуникации и сознания культуры можно поставить знак приблизительного равенства: широко понимаемый Лотманом 'текст' является 'носителем информации', но остается вопрос о том, является ли он с интегральной точки зрения также 'носителем сознания' (VERŠIĆ 2020), который и есть 'генератор новых смыслов'.

Особое внимание Лотман уделяет мифологическим текстам, анализируя в них 'мифологическое сознание', присущее нашим предкам. Мир «глазами мифологического сознания» составляют объекты «одноранговые» (нет понятия иерархии), «нерасчленимые на признаки» и «однократные» (не включаются в общие множества) (ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1992: 59). В семиотических исследованиях мифологических текстов

³ Семантический ('символический') тип; синтаксический; асемантический и асинтаксический; семантико-синтаксический.

⁴ Так, например, в семантическом типе 'моделирования действительности' (мировоззрении Средневековья) *мир представляется как слово, а акт творения – как создание знака. Изменения в значении – это... не новые смыслы, а степени смысла в его приближении к абсолюту* (ЛОТМАН 2000: 402). В авангардных же текстах, в которых нет структурированного идеала как идеологической системы из-за отсутствия иерархии ценностей, авангардная переоценка проводится во имя, по словам Лотмана, *оптимальной проекции, осуществления идеала в будущем* (FLAKER 1986: 259–260).

отмечаются те же характеристики сознания, что и в интегрально-теоретических исследованиях мифологического сознания: так, Уилбер отмечает, что в мифологическом мировоззрении нет различия между 'субъективным' (я), 'культурным' (мы) и 'объективным' (это), так как эти пространства еще не разграничены (УИЛБЕР 2006: 89–91).

В мифологическом сознании знаки аналогичны собственным именам. В современном сознании не существует общего значения, напр., слова Fido: «есть множество собак по имени Fido, но они не обладают никаким общим свойством Fidoness 'фидоизм'» (ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1992: 60). Ссылаясь на приведенные Якобсоном принципиальные примеры, Лотман указывает на то, что общее значение собственного имени не может быть определено без ссылки на некий код. Оказывается, что в действительности не всегда так бывает, если учитывать 'механизмы' коллективного подсознания. Лотман прав, когда замечает, что «носители современного сознания» реконструируют 'семиозис', присущий мифологическому сознанию, именно по причине «гетерогенности мышления», в котором сохраняются «определенные пласты, изоморфные мифологическому языку» (ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1992: 67).⁵

Всякое сознание, согласно Лотману, «включает в себя элементы и того и другого мышления. ...Научное мышление характеризуется преобладанием логических структур, художественное – творческих, а бытовое сознание расположится где-то посередине этой оси» (ЛОТМАН 1992: 112). Значимую роль Лотман отводит акту творческого сознания: это «всегда акт коммуникации... информационного обмена, в ходе которого исходное сообщение трансформируется в новое» (там же: 116). Культурное сознание в период смены парадигм можно отнести к акту творческого сознания, который «есть акт обмена и постоянно подразумевает 'другого'»: другим как «носителем другого сознания» у Лотмана является другой текст, культурный код, или другая, внешняя культура, образ которой культура должна «интериоризировать... внутрь своего мира» (там же: 117).

Культура как надиндивидуальный интеллект

Память культуры, по Лотману, минимально двуязычна: он относит ее как к структуре человеческого мозга, так и к метамодели культуры, представляющей собой коллективный ум, воплощенный в устройстве. Ученый обнаруживает 'функциональный изоморфизм' между индивидуальным и коллективным интеллектами, акцентируя при этом принципиальную разницу между естественным и искусственным интеллектами. Она содержится в том, что внутренний механизм метамодели культуры является более

⁵ Лотман ссылается также на работу Выготского «Мышление и речь», в которой психологом рассматривается развитие мышления – от детского синкретического и комплексного до мышления в научных понятиях.

сложным, чем 'искусственный интеллект', если учитывать, напр. память или внутреннюю коммуникацию между подструктурами, имеющими «различную скорость завершения динамических периодов». Последние Лотман определяет как «узлы структурной организации» культуры и сравнивает их с «культурными личностями» (ЛОТМАН 2000: 557–567). Исследуя особенности коммуникативного акта и перевода при сравнении культуры – 'надындивидуального интеллекта' с искусственным, ученый обращает особое внимание на сложность коммуникационных связей, т. е. 'шум': «Рост непонимания или неадекватного понимания может свидетельствовать о технических неполадках в системе коммуникаций, но он не может быть показателем усложнения этой системы, способности ее выполнять более сложные и важные культурные функции» (там же: 563). Лотман также сопоставляет индивидуальное сознание с внутренней организацией (устройством) сложной системы в свете творчества и сознания (показательна в связи с этим статья 'Мозг – текст – культура – искусственный интеллект'), задаваясь вопросом о первосознании: «Сознанию должно предшествовать сознание» (там же: 583).

Относительно феномена сознания наше внимание привлекает то, что Лотман в сопоставлении культурного сознания с индивидуальным одушевляет метамодель культуры, опираясь при этом на кибернетические термины. Метамодель изображается как Культура (с прописной буквы), она «изоморфна интеллектуальному миру отдельной личности и как бы повторяет ее на другом уровне структурной организации» (МАТЕРИАЛЫ: URL). Приписывая метамодели культуры человеческие черты, Лотман описывает ее в терминах 'мыслящего объекта', 'мыслящего устройства',⁶ 'мыслящей структуры', 'мыслящего целого', 'интеллектуальной структуры', 'надындивидуального единства', 'интеллектуальной личности', т. е. 'индивидуальности культуры', состоящей из многочисленных 'культурных индивидуальностей'. Словом, Культура – 'надындивидуальный интеллект' (ЛОТМАН 2000: 579).

Культура – «механизм, организующий коллективную личность с общей памятью и коллективным сознанием», и 'сверхиндивидуальный интеллект', имеющий корректирующую функцию – «механизм, восполняющий недостатки индивидуального сознания» (ЛОТМАН 2000: 176; 1992: 44). Культура – культурная личность: «замкнутый... мир с собственной... организацией,... памятью, индивидуальным поведением, интеллектуальными способностями и механизмом саморазвития» (там же: 564); но это не характеристики устройства.

⁶ Кибернетический термин 'устройство' (англ. device, ит. dispositivo) обозначает не только аппарат, 'черный ящик', но и неизвестное внешнему наблюдателю внутреннее устройство, организацию или механизм. Имеются затруднения в переводе на другие языки лотмановского термина 'устройство' (SALUPERE 2015).

Еще одна особенность Культуры как коллективного интеллекта, в отличие от искусственного, – «способность 'сходить с ума'», которая «является хорошим рабочим признаком интеллекта» (ЛОТМАН 2000: 558). Антропоморфизуя культуру как коллективную личность, ученый ее психологизирует. Культура проявляет стыд и страх. Некоторые примеры семиотика: проявление «истерического страха» как «процессы ведьм» в Западной Европе конца XV – середины XVII вв. и «наукобоязнь, страх перед ученым, который рисовался массовому сознанию в образе злокозненного колдуна-мага» (ЛОТМАН 2000: 629). Культура выявляет 'коллективные психозы': революции, войны и с ними связанные коллективные эмоции, периоды смен больших социокультурных парадигм. Лотман обращает внимание на «резкие переломы в человеческой истории; Парадокс... в том, что движение вперед может стимулировать регенерацию весьма архаических культурных моделей и моделей сознания, порождать и научные блага, и эпидемии массового страха» (там же: 638).

Внутренняя динамика культуры проявляется, по Лотману, и в ее отношении к внекультурному пространству, куда она и помещает свои страхи, и делает его вмещилищем своих идеалов. 'Потусторонний мир' в XX веке заменяется подсознанием: царство мертвых средневековой модели мира заменяется в современной культуре проекцией коллективного страха на инопланетян. В связи с этим Лотман точно замечает, что «враждебный античеловеческий мир переносится в космос по всем законам мифологических представлений» (ЛОТМАН 1992: 10).

Достигнув в процессе саморегуляции определённой 'структурной зрелости', Культура самоописывается с помощью метаязыка: «...возникает метауровень, на котором культура строит свой идеальный автопортрет» (ЛОТМАН 2000: 564). Когда идет речь об организации памяти культуры, Лотман саморегуляцию культуры относит к «самоописанию прошлого опыта культуры» (там же: 567). Рассматривая культурное сознание как 'монаду', ученый под самоописанием подразумевает 'саморефлексию' (там же: 639–647).

Сознание семиосферы

Семиосфера как последующая метамодель культуры в 1980-е годы создается Лотманом по аналогии с биосферой Вернадского⁷ – «пространством, заполненным живым веществом» (ЛОТМАН: 1992: 12). Вне семиотического пространства семиозис невозможен: одним из ключевых понятий в метаязыке Лотмана является 'семиотическая граница' – «сумма билингвальных переводческих 'фильтров'», напоминающая «мембрану живой клетки». Семиосфера – «особая структура 'пространства – времени'», внутри которой реализуется «сознательная человеческая жизнь», она

⁷ Имеется также сходство с ноосферой – сферой (раз)ума, в концепции Вернадского – пространством научной мысли.

«континуум, заполненный... находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями». Последними являются тексты, 'личности' – «замкнутые семиотические миры – свободно плавающие в этом пространстве» (ЛОТМАН: 1992: 13; 2000: 259, 645). Метамоделю семиосферы как совокупность частей, которые «входят в целое не как механические детали, а как органы в организм», а также и как совокупность молад, являющихся, независимо от уровня, «и целыми и частями» (ЛОТМАН 1992: 17, 372), близка к метамодели Уилбера, в которой целые-холоны (сознания низших уровней) в то же время являются частями больших целых-холоархий (сознаний высших уровней) (УИЛБЕР 2006). Семиосфера сама является 'семиотической личностью', но она также состоит из многочисленных семиотических личностей, обладающих «интеллектуальной способностью и входящих в качестве субструктур в различные монады более высоких уровней» (ЛОТМАН 1992: 13; 2000: 643).

В метамоделю семиосферы поздний Лотман вводит понятия 'случайность' и 'непредсказуемость', подчеркивая ее временной аспект: «структурная неравномерность» гетерогенной семиосферы обусловлена «различной скоростью» развития «в различных своих участках; разные языки имеют различное время и различную величину циклов» (ЛОТМАН 1992: 17). В метамодели семиосферы заметен отход от трактовки культуры как интеллектуального устройства в 'кибернетическом' описании, а также коллективного интеллекта – антропоморфизированной и психологизированной метамодели культуры. Семиосфера в качестве монады «является генератором новых... не построенных по автоматически действующим алгоритмам, сообщений»; чем больше объект «как текст включает в себя 'случайного', тем непредсказуемее... его поведение в точке бифуркации», в которой оно «приобретает характер сознательного выбора»; при этом, как указывает Лотман, «структура, поднимаясь до интеллектуального уровня, трансформирует случайность в свободу» (ЛОТМАН 2000: 644, 645).

Понятия, которые Лотман вводит в описание семиосферы, уподобляя ее 'живому организму', биологизируя ее, имеют свои аналоги в теории У. Матураны и Ф. Варелы, в понимании учеными границы между системой и средой: семиосфера напоминает самоорганизующуюся и самоподдерживающуюся живую систему в окружающей ее среде. Аналоги находим и в системной теории Н. Лумана. Автореференциальность системы и ее рефлексия соответствуют 'автомодели' и 'коду для самопознания' у Лотмана. Интересно в связи с этим заметить, что, по Лотману, «сфера литературного языка опирается на фундамент самопознания и представляет собой вмешательство индивидуального творческого начала», в то время как «развитие языка не предполагает элемента самопознания как необходимого фактора» (ЛОТМАН 2000: 119). Похоже, возможно и обратное рассуждение. Если природный язык ('первичная моделирующая система') составляет основу литературного языка ('вторичной моделиру-

ющей системы»), то он не может не являться фундаментом творческого начала. У Лотмана, как мы видим, текст, а не язык, является фундаментом самосознания.

У позднего Лотмана, все более интересующегося вопросами творчества в историческом процессе, замечается интерес к открытым системам и неравновесным процессам в работах И. Пригожина. Историю Лотман определяет как «процесс, протекающий 'с вмешательством мыслящего существа'»: это значит, что «в точках бифуркации вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм 'сознательного выбора'», а последний – «важнейший объективный элемент исторического процесса». Ученый предлагает «градацию степени интенсивности непредсказуемости: вмешательство случая – вмешательство мыслящего существа – вмешательство творческого сознания» (ЛОТМАН 2000: 350, 351). В сфере истории для культурно-исторического сознания взрыв – «не только исходный момент будущего развития, но и место самосознания» (там же: 23). В сфере искусства для индивидуального сознания смысловой взрыв – синоним к словам вдохновение и озарение.

Вместо заключения

Роль, которую Лотман отводит феномену сознания, обнаруживается во всех его работах по семиотике культуры. Если в метамодели культуры как совокупности текстов – текст и его внутренние закономерности являются основой для описания кода некоторого мировоззрения (культурного сознания), а культура воспринимается как общекультурный текст, то в метамодели культуры как 'мыслящего устройства' изображается 'коллективный интеллект': закрытая система, отличающаяся многоуровневыми процессами коммуникации и асимметрической структурой мозга. Это 'надындивидуальное единство' очерчивается в образе 'культурной личности' – Культуры, характеризующейся сознанием, самосознанием и подсознанием, памятью и эмоциями, собственной психической жизнью.

Если в последующей метамодели культуры, описываемая по аналогии с биосферой, является семиосферой, закрытым семиотическим пространством – живым организмом, то семиосфера, в которую Лотман включает также исторические процессы, предстает как универсум культуры, отличающийся коллективным творческим сознанием. Пространство культуры у позднего Лотмана – открытая система, the universe of the mind или мыслящие миры, которые сравниваются с энергией во Вселенной.

Процессы в пространстве культуры Лотман соотносит с непредсказуемыми процессами на Солнце. Семиосфера «не есть нечто действующее по предначертанным... путям. Она кипит как Солнце»; в семиосфере, как на Солнце, активность происходит «то в неведомых глубинах, то на поверхности и иррадирует энергию в относительно спокойные сферы. ...энергия, выделяемая семиосферой, — это энергия информации, энергия

Мысли» (ЛОТМАН 2000: 275). В определении позднего Лотмана культура – «единая интеллектуальная жизнь человечества», которое – «и планета в интеллектуальной галактике и образ ее универзума» (ЛОТМАН 2000: 390).⁸ В концепции последней метамодели культуры заметно отклонение ученого от 'антропоцентрического' в сторону 'биологического' и 'космического' начал, выход из закрытой системы 'черного ящика' к открытой системе, которая характеризуется обменом информацией с окружающей средой. Но вопрос о том, что с семиотической точки зрения является окружающей средой для открытой семиосферы, остается не до конца выясненным.

Следует отметить еще один момент в лотмановской семиотике культуры. Вводя в семиотику культуры понятие сознания и рассматривая сознание как имманентное объекту исследования – культуре, изучаемой на основании текстов (материализации человеческого сознания), семиотик вносит сложность, которая обнаруживается в размытии грани между внешней и внутренней точками зрения, в «отождествлении... языка объекта и языка описания» (УЖАРЕВИЧ 1982: 30), хотя, по словам ученого, «язык объекта не может выступать в качестве собственного метаязыка» (ЛОТМАН 2000: 449). У Лотмана, однако, находим мысль и о том, что понятия субъективного и объективного «являются порождением определенной культурной... традиции в определенный момент ее развития» (там же: 640). Автор метамодели культуры, какой бы она ни была, в то же время является ее частью, и наоборот – научные точки зрения меняются. Введением в научный дискурс – семиотику культуры – понятия сознания, грань между субъектом и объектом исследования неизбежно стирается. Показательна в этом смысле статья ученого 'Культура как субъект и сама-себе объект', причем замечаем, что сама метамодель культуры автором одушевляется и, таким образом, мифологизируется; воссоздается мифологическое мышление.

Благодаря семиотическому наследию Лотмана по вопросам культурного сознания открываются возможности для дальнейшего исследования, напр. рассмотрения пространства культуры как одного из проявлений единого поля сознания; рассмотрения, с более широкой точки зрения, обмена 'энергией Мысли' (значений и смыслов) в пространстве культуры, читаемой как (мета)текст; перерассматривания вопроса о восприятии метамодели и текста, как структуры, существующей самостоятельно по от-

⁸ Согласно Лотману, исследователь-семиотик (подобно легендарному Мидасу, превращавшему в золото все, к чему прикасался) семиотизирует все, что привлекает его внимание (там же: 154). Если Культура ведет диалог с внесемиотическим миром, которого в самом деле нет, так как ею все семиотизируется (см. ЛОТМАН 1994: 458), то ставится вопрос о том, с кем она ведет диалог (ВЕРШИЧ 2013).

ношению к сознанию человека; и переосмысления субъектно-объектных отношений в современном научном дискурсе.

Литература

- БИБЛЕР 1995 = БИБЛЕР В.С. Ю.М. Лотман и будущее филологии // Лотмановский сборник 1. М., 1995. 278–285.
- ВЕРШИЧ 2013 = ВЕРШИЧ С. Случайность и непредсказуемость в семиотическом универсуме Юрия Лотмана и Умберто Эко // Случайность и непредсказуемость в истории культуры. Сборник. Таллинн, 2013. 116–144.
- ЛОТМАН 1970 = ЛОТМАН Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
- ЛОТМАН 1992 = ЛОТМАН Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры // Избранные статьи: В 3 тт. Т. I. Таллин, 1992.
- ЛОТМАН 1994 = Ю.М. Лотман и тартуско-московская школа. Сборник. М., 1994.
- ЛОТМАН 2000 = ЛОТМАН Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1977 = ЛОТМАН Ю.М., УСПЕНСКИЙ Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Труды по рус. и слав. филологии. Т. 28. Вып. 414. Тарту, 1977. 3–36.
- ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1992 = ЛОТМАН Ю.М., УСПЕНСКИЙ Б.А. Миф – имя – культура // Избранные статьи: В 3 тт. Т. I. Таллин, 1992. 58–75.
- МАТЕРИАЛЫ = Материалы к словарю терминов тартуско-московской семиотической школы. Тарту, 1999. <http://diction.chat.ru/ukazat.html>
- УИЛБЕР 2006 = УИЛБЕР К. Краткая история всего. М., 2006.
- FLAKER 1986 = FLAKER A. Stilske formacije. Zagreb, 1986.
- GEBSER 1986 = GEBSER J. The Ever-Present Origin. Ohio University Press, 1986.
- SALUPERE 2015 = SALUPERE S. The Cybernetic Layer of Juri Lotman's Metalanguage // Recherches Sémiotiques, 2015. V. 35. № 1. 63–84. DOI: [10.7202/1050987ar](https://doi.org/10.7202/1050987ar)
- UŽAREVIĆ 1982 = UŽAREVIĆ J. O nekim aspektima Lotmanove semiotike // Književna smotra, 47–48. Zagreb, 1982. 28–42.
- VERŠIĆ 2004 = VERŠIĆ S. Kultura kao semiotički problem u djelu Jurija Lotmana. Zagreb, 2004.
- VERŠIĆ 2020 = VERŠIĆ S. Literarna komunikacija v kvantni paradigmi resničnosti in energijska dimenzija jezika // Slavistična revija, 68 (4). 671–691.

Notes on the Consciousness of Culture in the Semiotic Inheritance of Yuri Lotman. In the article, we bring attention to the phenomenon of consciousness for which Lotman shows particular interest in his works on semiotics of culture, and we notice that the concept of consciousness is inherent in metamodels of culture developed by semiotician. Owing to Lotman's precious ideas, new possibilities appear in approaching questions of cultural consciousness.

Keywords: culture, consciousness, mind, metamodels of culture